

Сквозь рваные черные тучи, подобно умирающей звезде, летел огонек, он падал вниз, на землю...

...На землю, то есть, собственно, на Плоский мир...

...Но, в отличие от любой другой падающей звезды, этот огонек каким-то странным образом управлял своим падением, иногда чуть взмывая, порой сворачивая в сторону и все же... неминуемо приближаясь к земле.

На мгновение блеснул снег на склонах гор, когда необычная звездочка, потрескивая, пронеслась над ними.

Затем в горах наступил промежуток, и земля резко ушла куда-то вниз. Огонек влетел в глубокий каньон и с грохотом помчался по его изгибам, рассыпая яркий свет по закованным в синий лед стенам.

Но вдруг свет погас, как будто его отключили, хотя потухшая звездочка продолжала свой путь по озаренной луной ленте, что прорезала горные пики.

А потом каньон закончился и звездочка вылетела на широкий склон, по которому талая вода из ледника начинала свое движение в далекое озеро.

Вопреки всякому здравому смыслу, внизу находилась долина, вернее, целая цепочка долин, при-

жимавшихся к высоким острым пикам, и уже за долинами следовал еще один крутой обрыв, а потом начиналась бескрайняя равнина. Небольшое озерцо, затянутое туманом, маняще поблескивало впереди. Тут был даже лес. И поля, похожие на лоскутное одеяло, которое кто-то набросил на горные склоны.

Ветер стих, воздух потеплел.

Звездочка-тень описала большой круг.

Однако не она одна проникла незамеченной в мирные горные долины. Было кое-что еще, практически не видимое глазу. Трава волновалась, и вереск шуршал, как будто двигалась маршем некая армия из очень мелких существ, настроенных весьма и весьма решительно.

Наконец звездочка-тень добралась до большой плоской скалы, с которой открывался прекрасный вид на леса и поля, и одновременно с этим из-под древесных корней выступила армия. Самая настоящая армия из крошечных синих человечков — синих и рыжеволосых. Кое-где море рыжих волос разбавлялось маленькими остроконечными шапочками (тоже синими, кстати). И все до единого человечки были вооружены мечами. И все были не больше шести дюймов ростом.

Человечки быстренько построились и воззрились на землю, которой суждено было стать их домом, после чего, вскинув в воздух мечи, издали боевой клич. Возможно, этот клич прозвучал бы более впечатляюще, если бы войско договорилось заранее и сошлось на каком-нибудь одном вариан-

те, но, похоже, у каждого человечка был собственный боевой клич и каждый крохотный воин готов был на месте прирезать любого, кто посмеет воспользоваться его изобретением.

- Нак-мак-Фигли!
- Траккансы нале-напра!
- Ща мы ва рва-порва!
- Верзуны!
- Всем кирдыкс, один оста!
- Нак-мак-Фигли, нах!
- Нах себя, синяя сво!

Горстка долин, купающаяся в остатках вечернего солнечного света, именовалась королевством Ланкр. Поговаривали, будто бы с окрестных пиков можно увидеть Край света.

А еще поговаривали (правда, не те, кто жил в самом Ланкре), будто бы за Краем творится такое... Якобы там, куда беспрестанно изливается море, стоят четверо гигантских слонов, и стоят они на панцире у громадной, как мир, черепахи, а сама черепаха плывет по бескрайнему космосу.

Жители Ланкра слышали об этой гипотезе и считали ее более-менее соответствующей действительности. То, что мир плоский, совершенно очевидно (хотя в самом Ланкре единственными плоскими поверхностями были столы и головы некоторых жителей). И даже маленькая черепашка может тащить на своем панцире весьма значительный груз. А слоны, что ни говори, обладают достаточ-

ной силой. В общем, явных провалов в логике не наблюдалось, следовательно, данную теорию вполне можно было принять на веру.

Нельзя сказать, что ланкрцы не интересовались окружающим миром. Напротив, они чувствовали глубокий, личный и жгучий интерес к происходящим вокруг событиям и постоянно задавались вопросами типа: «Не помешает ли дождь сенокосу?», хотя, наверное, прежде всего следовало бы спросить: «Что мы вообще здесь делаем?»

Философы с презрением относятся к подобному недостатку духовных амбиций — именно поэтому философы частенько ночуют на улице и с пустым брюхом.

Благодаря своему местоположению и климату Ланкр вывел особую породу людей: практичных, открытых и твердолобых, породу, которая весьма преуспевала в равнинном мире. Кроме того, Ланкр являлся известным поставщиком волшебников и ведьм — лучшие представители данных профессий вышли именно отсюда. Те же философы не раз задавались вопросом: ну как, спрашивается, сей ограниченный народец мог подарить миру столько известных практиков волшебных искусств? А ответ достаточно прост: только твердо стоящий на земле человек способен строить прочные воздушные замки.

Так все и шло. Дочери и сыновья Ланкра покидали родимый край, делали карьеру, карабкались по всевозможным служебным лестницам и никогда-никогда не забывали посылать какую-то денежку домой.

Ну а те, кто оставался в Ланкре, не слишком-то часто сталкивались с внешним миром. Ну, разве что изредка получали письма с заковырыстыми обратными адресами.

Зато окружающий мир о них не забывал.

Огромная плоская скала уже опустела, но по вересковым зарослям в сторону долины мчался решительный клин.

— Навар варить!

— Нак-мак-Фигли!

Вампиры бывают самые разные. На самом деле считается, что разновидностей вампиров ничуть не меньше, чем всяких болезней*.

И вампиры — это не только люди (если, конечно, вампиров вообще можно назвать людьми). Среди жителей Овцепикских гор существует поверье, что любой безвредный инструмент, будь то молоток или пила, возжаждет крови, если им не пользоваться больше трех лет. В Гате свято верят в существование арбузов-кровососов, хотя тамошние предания весьма туманны насчет того, чем именно эти арбузы-кровососы занимаются. Вполне возможно, их корки являются к вам по ночам.

Исследователей вампиров традиционно озадачивали два вопроса. Во-первых, почему вампиры обладают такой *властью*? Их ведь так просто убить.

* В том смысле, что есть заразные и смертельно опасные болезни, а есть болезни почти даже невредные — просто некоторое время вы ходите полусогнувшись и шараетесь от немых фруктов.

Существует масса способов отправить вампира на тот свет, помимо традиционного осинового кола в сердце, — кстати говоря, данное средство не менее эффективно действует и на обычных людей, так что оставшиеся без надобности колы никогда не пропадут. Классический вампир проводит светлое время суток в гробу под охраной какого-нибудь престарелого, не отличающегося проворством горбуна, который вряд ли сможет противостоять даже самой небольшой толпе. И тем не менее один-единственный вампир способен удерживать в повиновении целую деревню, а то и городок...

И вторая загадка: почему все вампиры так глупы? Мало того что они постоянно носят смокинги (вот уж примета, которая выдает тебя, так сказать, вместе с твоим гробом), так они еще, словно бы нарочно, выбирают в качестве своего жилья всякие старые замки, где так легко победить вампира, сорвав с окна тяжелые шторы или составив из настенных украшений какой-нибудь религиозный символ. И неужели вампиры действительно верят, что если написать свое имя задом наперед, то тебя никто не узнает?

В многих милях от Ланкра по ухабистой дороге, вьющейся через болота, тряслась некая карета. Судя по тому, как она подпрыгивала, путники путешествовали налегке. Но как будто сама тьма сопровождала их.

Кони были черными, под стать экипажу (из общей цветовой гаммы выпадал только нарисованный на дверцах герб), и голову каждого коня украшал

черный плюмаж. Такие же черные плюмажи торчали и по углам кареты, создавая впечатление громадной зловещей тени, катящейся по дороге. Карета словно бы притягивала к себе ночь.

Достигнув холма посреди болот, карета, закрипев, остановилась. Неподалеку виднелись развалины какого-то особняка; сквозь груды камней и дерева уже успели пробиться чахлые деревца.

Кони стояли смирно, лишь изредка переступая с копыта на копыто и встряхивая гривами. Кучер, сгорбившись, сидел на козлах и чего-то ждал.

Четыре фигуры, окутанные серебристым лунным светом, летели над облаками. Разговор велся на повышенных тонах, один из говоривших был чем-то весьма обеспокоен или даже раздражен — настолько резким и неприятным был голос.

— Ты позволил ему уйти! — обвинил голос с характерными визгливыми нотками, которые сразу выдавали личность, вечно недовольную всем и вся.

— Он был ранен, Лакки. — Второй голос звучал по-отцовски успокаивающе и содержал лишь едва уловимый намек на то, что говоривший сдерживается из последних сил.

— О, как я их ненавижу! Они такие... мерзостные!

— Разумеется, малыш. Наследие сомнительного прошлого.

— Вот если б я так красиво горела, я бы не хоронилась по углам. Ну почему они так поступают?

— Полагаю, когда-то это имело для них практическое значение.

— И они... как там ты их называешь?

— Эволюционным тупиком, Лакки. Одинокими мореплавателями в морях прогресса.

— Значит, убивая их, я делаю им одолжение?

— Да, малыш, именно так. А теперь, может, мы...

— А вот курицы не горят, — перебила Лакки. — Нет, конечно, горят, но плохо.

— Мы *наслышаны* о твоих экспериментах. Ты бы хоть убивала их сначала... — устало посоветовал третий голос, явно принадлежавший юноше. В каждом слогe звучали нотки «старшего брата».

— Но зачем?

— Ну, во-первых, малыш, твои опыты стали бы куда тише...

— Милая, слушай папу, — раздался четвертый голос, который, судя по всему, принадлежал матери семейства и который любил остальные голоса искренней, безусловной любовью.

— Вы... вы... нечестные!

— Малыш, мы же позволили тебе побросаться камнями в пикси. Жизнь не может состоять сплошь из развлечений.

Услышав приближавшиеся сквозь облака голоса, кучер встрепенулся — и как раз вовремя, поскольку внезапно чуть поодаль возникли четыре фигуры. Кучер неуклюже спустился на землю и услужливо распахнул дверь кареты.

— Хотя кое-кому из этих мелких негодников удалось ускользнуть, — заметила мать.

— Ничего страшного, дорогуша, — успокоил отец.

— Я их так ненавижу, — протянула дочка. — Они тоже эволюционный тупик, а, пап?

— Пока еще нет, малыш, несмотря на все твои героические усилия. Игорь! В Ланкр!

Кучер обернулся.

— Флушайт, герр мафтер.

— Гм, Игорь, я тебя, конечно, уже спрашивал, но неужели нельзя говорить правильно?

— Я умеит только так, герр мафтер.

— И я, кажется, приказывал тебе снять с кареты эти дурацкие перья!

Кучер виновато шаркнул ногами.

— Мы должны имеит черный перья, герр мафтер. Такой *традифия*.

— Немедленно убрать, — велела мать. — Что о нас люди-то подумают?

— Флушайт, фрау мафтер.

Существо, которое называли Игорем, захлопнуло дверь кареты и похромало к лошадям. Почтительно сняв плюмажи, Игорь спрятал их под свое сиденье.

— А Игорь тоже эволюционный тупик? — донесся из кареты визгливый голосок.

— Очень на это надеюсь, малыш.

— От тупиков флышайт, — буркнул себе под нос Игорь, взмахивая поводьями.

Послание начиналось следующим образом:

«Вы сердечно приглашается...»

...И было унизано множеством великолепных завитушек, сквозь которые так трудно продираться, но выглядят которые официальнее некуда.

Довольно улыбнувшись, нянюшка Ягг поставила открытку обратно на каминную полку. Особенно ей нравилось слово «сердешно». Богатое, мощное словечко. И многообещающе горячительное.

В данный момент нянюшка утюжила свою лучшую нижнюю юбку. То есть сидела в кресле у камина, пока одна из невесток, имя которой в очередной раз вылетело у нее из головы, работала утюгом. А нянюшка ей помогала — указывая на пропущенные места.

Приглашение было роскошным, особенно позолоченная кромка фигуристая, словно облитая золотым сиропом. Скорее всего, золото было ненастоящим, но блестело на все сто.

— Вот это место неплохо бы прогладить еще раз, — сказала нянюшка, доливая в кружку пива.

— Конечно, нянюшка.

Еще одна невестка, чье имя нянюшка наверняка вспомнила бы, если бы постаралась, начищала красные нянюшкины башмаки. Невестка номер три с превеликой осторожностью снимала пушинки с лучшей нянюшкиной остроконечной шляпы, водруженной на специальную подставку.

Поднявшись, нянюшка неторопливо направилась к заднему крыльцу. Небо почти полностью потемнело, и лишь редкие рваные облака неслись по нему, время от времени закрывая собой ранние звездочки. Нянюшка понюхала воздух. Зима, как правило, надолго задерживалась в горах, но в этом ветре определенно чувствовался запах приближающейся весны.

«Хорошее время, — подумала она. — Честно говоря, самое лучшее». Как было принято считать, всякий новый год начинался в страждество, когда поворачивали вспять зимние приливы, но на самом деле *настоящий* новый год начинался именно сейчас, когда из-под слоя застарелого снега проглядывала первая зеленая травка. В воздухе витали перемены, нянюшка чувствовала это всеми своими косточками.

«Костям верить нельзя», — всегда говорила ее давняя подруга, матушка Ветровоск. Но она постоянно твердила что-нибудь подобное.

Нянюшка Ягг закрыла дверь. В дальнем конце сада, на лишенных листья деревьях, прорезающих небо уродливыми загогулинами, кто-то захлопал крыльями и что-то прострекотал, приветствуя нисходящую на мир тьму.

Тем временем Агнесса Нитт, стоя посреди *своего* домика, с сомнением разглядывала *свою* остроконечную шляпу. Впрочем, Агнесса всегда и ко всему относилась с сомнением.

Затем, подобрав волосы, она принялась критически рассматривать себя в зеркале, тихонько напевая незатейливый мотивчик. Пела она просто так, ни к кому в особенности не обращаясь. Пение — дело такое: только начни петь своему отражению в зеркале, потом запоешь дуэтом с какой-нибудь синичкой, затем подтянутся прочие лесные обитате-